

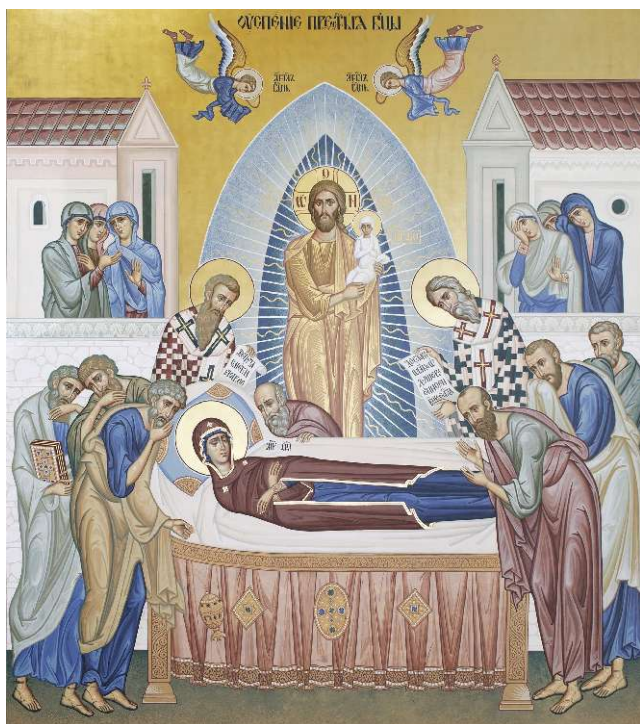

Издание прихода мчч. Валентина и Пасикрата Берлинской епархии
Русской Православной Церкви Московского Патриархата в г. Ульме

Август 2022 г.

№3 (122)

УСПЕНСКИЙ ПОСТ

Успенский пост учрежден в августе в честь Матери Божия Слова, Которая, узнавши Свое преставление, как всегда подвизалась и постилась за нас, хотя, будучи святой и непорочной, и не имела нужды в посте; так особенно Она молилась о нас, когда намеревалась перейти от здешней жизни к будущей, и когда Ее блаженная душа имела чрез Божественного духа соединиться с Ее сыном. А потому и мы должны поститься и воспевать Ее, подражая житию Ее и пробуждая Ее тем к молитве за нас. Некоторые, впрочем, говорят, что этот пост учрежден по случаю двух праздников, то есть Преображения и Успения. И я также считаю необходимым воспоминания этих двух праздников, одного – как подающего нам освящение, а другого – умилоствление и ходатайство за нас.

Святой Симеон Солунский

Успенский пост дошел до нас с древних времен христианства. В беседе Льва Великого, произнесенной им около 450 года, мы находим ясное указание на Успенский пост: «Церковные посты расположены в году так, что для каждого времени предписан свой особый закон воздержания. Так для весны весенний пост – в Четыредесятницу, для лета летний – в Пятидесятницу (Петров пост), для осени осенний – в седьмом месяце (Успенский), для зимы – зимний (Рождественский)».

Окончательное установление Успенского поста произошло на Константинопольском Соборе 1166 года, проходившем под председательством патриарха Луки. Здесь было подтверждено, что все православные христиане согласно с древними уставами должны соблюдать Богородичный пост с 1 по 15 августа ст. ст./ с 14 по 27 августа н. ст.

Вальсамон об этом Соборе пишет: «Тогда сомневались некоторые о количестве дней поста Успенского и Рождественского. Поэтому сам Святейший Патриарх подтвердил, что хотя дни этих постов письменно нигде не обозначены, понуждаемся, однако, последовать неписаному церковному преданию и должны поститься от первого дня августа и от четырнадцатого дня ноября».

Итак, **Успенский пост начинается 14 августа**. В этот же день отмечается праздник Происхождения Честных Древ Животворящего Креста, в народе именуемый «Медовым Спасом».

Ничего не смущает, не режет слух в этих словах? Я понимаю, что «посыгаю на святое», и все же... Ведь слово «спас» от слова «Спаситель», а слово – не пустой звук, тем более, если это – имя. В особенности, если это имя Божие.

За последние свыше двадцати лет мы привыкли, что накануне праздников Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня, Его Преображения и Нерукотворного Образа, в СМИ обязательно появляются «просветительские» материалы на их тему. К сожалению, зачастую они выдержаны в ключе земледельческой магии, что сводит на нет пользу даже той информации, которая хотя бы вскользь дается о сути праздников.

Мы порой слишком привыкаем к словам и словосочетаниям, не задумываясь, что слово – продукт своеобразного «круговорота веществ в природе». Те или иные представления и понятия обретают имена в результате формирования своего содержания. Имена в свою очередь продолжают формировать сознание, как индивидуальное, так и массовое.

Вы никогда не задумывались о метаморфозе слова «настоящий»? Когда-то (да и сейчас некоторые люди используют это слово в таком смысле) под ним понималось «теперешнее» – то, что есть в данный момент. В наше время за этим словом прочно закрепился смысл чего-то истинного, верного, непоколебимого, неподдельного, чуждого фальши, эфемерности. Случайно? Отнюдь. Эта сравнительно новая смысловая нагрузка – следствие искажения нашего мировоззрения, смещения приоритетов, преобладания ценностей временных; да – тленных, да – преходящих, но реальных, потому что они –

настоящие: вот они, родимые, здесь, их пощупать можно, прочувствовать. Что «там» – это еще видно будет... и будет ли? А вот «это» – здесь и сейчас. А если и не «сей час», то в «ближайший час»: наши радости и скорби земные – это «настоящее» (во всех смыслах), все же прочее – так... А потому «с волками жить – по-волчьи выть», мы – люди немощные, грешные, но Господь милостив и Мать Божия да святые все с Ангелами-Хранителями за нас заступятся и спасение наше – дело решенное. Только почитать Бога и наших перед Ним заступников надо, что опять же очень просто: в храм на праздники ходить, фрукты-овощи святить – учат в... ох! Да, совсем чуть не забыл: раз в год обязательно собороваться надо, чтобы не заморачиваться с грехами на исповеди, потому как в соборовании забытые грехи прощаются, и тогда можно в душе своей не копать. И всё! И живи как все...

Такое, вот, «настоящее», но только никакое не Православие получается.

Беда, разумеется, не в народной культуре и не в крестьянских традициях. Культура христианская естественно формируется в лоне определенной среды и несет на себе ее отпечаток. Другое дело, что, во-первых, не все, что является отпечатком среды – неотъемлемая часть христианской культуры, а во-вторых... «мера во всем», как говорил мудрый Демокрит. Ведь не в меде да овощах-фруктах проблема. Традиции эти красивы, исполнены глубокого смысла, да только глубина эта становится парадоксально недостижимой именно из-за преобладания обрядного начала! Прилагательное («медовый», «яблочный», «ореховый», «хлебный») определяет в религиозном сознании содержание существительного «Спас». Не то, чтобы все напрочь забыли о каком «Спасе» речь, хотя и подобное бывает, как, например, на Западе, когда, празднуя «Рождество», многие не знают, что именно они так весело отмечают, Чей День Рождения справляют.

Аграрная составляющая теснит изначальное содержание понятий этих праздников аналогично тому, как это произошло с понятием «настоящее». Только в обратном порядке: в случае с «настоящим» временному и преходящему придан вес незыблемого и надежного, а в случае со «Спасами» – вечное, истинное, и в силу этого абсолютно надежное, подменяется (при сохранении личности некой незыблемой твердыни)

тленным, временным, а уже что является символом поклонения духу мира сего – вода, плоды, полотно ли – неважно. Достаточно перевести внимание, сместить акценты, и подмена произведена.

Удручающее впечатление производят многие люди, приходящие в эти праздники в храм освятить конкретные банки с медом, плоды. Они или приходят к концу службы только, чтобы получить «ритуально-магическую услугу», и скучают, порой не очень терпеливо дожидаясь, «когда начнется», или еще хуже: являются довольно рано, чтобы удобно расположить свое приношение на столе и потом не отводят очей от своих кульков, «отстаивая» службу, но не участвуя в ней...

А зачем участвовать в службе, когда столько интересных людей вокруг, с кем можно, в ожидании, «когда начнется», пообщаться, прежде чем расстаться до следующего праздника, когда что-нибудь будут «святить» и «давать»? Службу, ведь, служат священнослужители – это их дело, а наше – вот, записки им подать, просфоры получить, свечи поставить, материю грешную, представленную водой-плодами, освятить, самим вкусить, да с ближними поделиться. При чем тут наше участие в богослужении? Мы пришли душой отдохнуть, нечего нас тут строить...

Постоянным прихожанам еще как-то удастся объяснить, что освящаются не только конкретные плоды, а весь урожай тем, что его начатки приносятся в жертву, т.е., принесенное, по идее, должно оставаться в храме или там же раздаваться, и этой жертвой освящается все, что у тебя на огороде, в саду, на пасеке, дома, в магазине и на базаре, наконец, то, что ты собираешься приобрести и кормить свою семью – все

это освящается твоим «принесением начатков Богу»: жертвой благодарения Небесному Отцу за Его заботу о нас, грешных, без которой ни урожая не было бы, ни средств, приобрести пищу.

Если вдуматься, эти праздники между собой очень крепко связаны. Только не аграрной составляющей. Преображаясь, Господь заранее укрепляет апостолов, как сказано в праздничном кондаке: «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша; да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, миру же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние». Нетварный свет Преображения разрывает, рассеивает мрак отчаяния: мрак, придавивший апостолов после страданий и крестной смерти их Учителя; мрак, окутывающий и отравляющий нас, порой, очень крепко.

Свет Преображения достигает до наших сердец, если мы в минуты, казалось бы, безраздельного владычества мрака вспоминаем о Кресте и сораспятии Христу, вспоминаем, что Крест – символ не столько страданий, сколько любви, которая хотя и не ищет страданий, страдания для нее не цель, но при необходимости она принимает их, радуясь о тех, за кого приносится жертва, радуясь о своей душе, которая очищается смиренным и благодушным перенесением скорбей.

И если Господь приоткрыл на Фаворе Свою славу, то через крестный путь в каждом из нас отмывается и восстанавливается образ Божий, проявляясь и просиявая в нашей душе через все большее уподобление Первообразу, о чем нам напоминает Господь в празднике, посвященном созданию Его первой, нерукотворной иконы.

Протоиерей Игорь Препкуп

ПРАЗДНИКИ. ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ

Происхождение (изнесение) Честных Древ Животворящего Креста Господня (Медовый Спас)

Праздник Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня был установлен в IX веке в Константинополе: каждый год часть Животворящего Креста, который хранился в домовой церкви греческих императоров, приносили в храм Святой Софии и освящали воду для исцеления болезней. Первый день августа был выбран именно потому, что в этом самом жарком месяце особенно распространялись болезни, люди же прикладывались ко Кресту, на котором был распят Христос, пили освященную им воду и получали долгожданное здоровье.

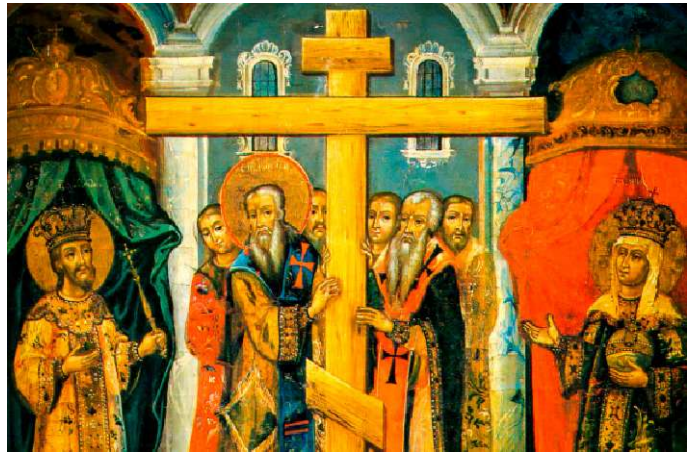
Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице установлено по случаю знамений от икон Спасителя, Пресвятой Богородицы и Честного Креста во время сражений святого благоверного князя Андрея Боголюбского (1157-1174) с волжскими болгарами.

В 1164 году Андрей Боголюбский предпринял поход против поволжских болгар, теснивших угнетенных жителей Ростовской и Суздальской земли. Уповая на помощь Царицы Небесной, князь взял с собой Ее чудотворную икону, которая была принесена им из Киева и впоследствии получила наименование Владимирской. Два священника в облачении несли перед войском святую икону и Честный Крест Христов. Перед сражением благочестивый князь, приобщившись святых Таин, обратился с горячей молитвой к Богородице: «Всяк уповаяй на Тя, Госпоже, не погибнет, и я грешный имею в Тебе стену и покров». Вслед за князем пред иконой пали на колени полководцы и воины и, приложившись к образу, пошли против врага.

Болгары были разбиты и обращены в бегство. По преданию, в тот же день греческим императором Мануилом была одержана победа над сарацинами. Непреложным доказательством чудесности обеих этих побед послужили огромные огненные лучи, выходявшие от бывших в войсках икон Спасителя, Божией Матери и Святого Креста. Эти лучи покрывали полки благовер-

ных правителей Греции и России и видны были всеми сражавшимися. В память об этих чудесных победах, с обоюдного согласия князя Андрея и императора Мануила и по благословению представителей высшей церковной власти, и был установлен праздник Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице.

В Русской Церкви одновременно с празднованием Всемиловитому Спасу соединяется воспоминание совершившегося 1 августа 988 г. Крещения

Соломония и учитель Елеазар пострадали в 166 году до н. э. от сирийского царя Антиоха Эпифана, который, проводя политику эллинизации населения, ввел в Иерусалиме и всей Иудее греческие языческие обычаи. Он осквернил Иерусалимский храм, поставив в него статую Зевса Олимпийского, к поклонению которому принуждал иудеев.

Девяностолетний старец – законоучитель Елеазар, который за приверженность к Моисееву закону был судим, с твердостью пошел на мучения и скончался в Иерусалиме. Такое же мужество показали ученики святого Елеазара: семь братьев Маккавеев и их мать Соломония. Они, бесстрашно признав себя последователями Бога Истинного, отказались принести жертву языческим богам.

Старший из мальчиков, дававший первым ответ царю от имени всех семи братьев, был предан ужасным истязаниям на глазах у остальных братьев и их матери; остальные пять братьев один за другим претерпели те же мучения. Остался седьмой брат, самый младший. Антиох предложил святой Соломонии склонить его к отречению, чтобы ей остался хоть последний сын, но мужественная мать укрепляла и его в исповедании Истинного Бога. Мальчик так же твердо перенес муки, как и его старшие братья.

После смерти всех детей святая Соломония, стоя над их телами, воздела руки с благодарной молитвой Богу и скончалась.

Подвиг святых семи братьев Маккавеев воодушевил священника Маттафию и его сыновей, которые подняли восстание против Антиоха Эпифана, длившееся с 166 по 160 г. до н. э. и, одержав

Руси, в воспоминание чего установлено совершать в этот день малое освящение воды. Поэтому в народе этот праздник иногда называют «Мокрый спас».

Наконец, третий праздник дня – память о святых ветхозаветных мучениках Маккавейских, которые силой веры преодолели соблазн вероотступничества и, претерпев кратковременное мучение, сподобились спасения и вечной блаженной жизни в Царствии Божьем.

Семь святых мучеников Маккавеев: Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Адим и Маркелл, а также их мать

жав победу, очистили Иерусалимский храм от идолов.

Почему же в народе этот праздник называют именно Медовым Спасом? К этому времени поспевают мед нового сбора и это, конечно, дар Божий, вот почему принято сбор приносить для освящения в храм, благодаря Бога и вкушая мед уже не просто как лакомство, а как явственное, осязаемое воплощение Божьей благодати, милости к нам, достойным «всякого осуждения и муки». В этот же день по давней тради-

ции совершается малое освящение воды, лекарственных трав и мака.

После освящения меда в этот день угощали им всех желающих и в первую очередь раздавали мед бедным. В старину даже говорили, что «на первый спас и нищий медку попробует».

Тем не менее, нужно помнить, что освящение меда в этот день – это всего лишь благочестивая традиция. Подобные традиции (как, например, освящение яблок на праздник Преображения Господня) вполне естественны для со-

знания православного человека. Земля и все живущее на ней производят плоды по Промыслу Божию, а человек, принимающий участие в производстве этих плодов, в знак благодарения Богу за помощь в этом деле приносил первые выращенные плоды в храм.

Поэтому сама по себе традиция освящения меда в этот день никак не связана с праздником Всемилоственного Спаса. И, конечно же, эта благочестивая традиция не должна собой затмевать тот праздник, который отмечается православной Церковью в этот день.

МЕД

Сладок мед, ужасно сладок!
Ложку всю оближешь вмиг...
Слаще дыни и помарок,
Слаще фиников и фиг!
Есть в саду пчелиный домик
– Ульем все его зовут.
– Кто живет в нем? Сладкий гномик? –
Пчелы, милый, в нем живут.
Там узорчатые соты,
В клетках – мед, пчелиный труд...
Тесно, жарко... Тьма работы:
Липнут лапки, крылья жмут...
Там пчелиная царица
Яйца белые кладет.
Перед ней всегда толпится
Умных нянек хоровод...
В суете неутомимой

Копшатся тут и там:
Накорми ее да вымой,
Сделай кашку червякам.
Перед ульем на дощечке
Вечно стража на часах,
Чтобы шмель через крылечко
Не забрался впопыхах.
А вокруг ковром пушистым

Кольхаются цветы:
Лютик, клевер, тмин сквозистый,
Дождь куриной слепоты...
Пчелы все их облетают –
Те годятся, эти – нет.
Быстро в чашечки ныряют
И с добычей вновь на свет...
Будет день – придет старушка,
Тихо улей обойдет,
Подымит на пчел гнилушкой
И прозрачный мед сберет...
Хватит всем – и нам и пчелам...
Положи на язычок:
Станешь вдруг, как чиж, веселым
И здоровым, как бычок!

Саша Черный

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА И БОГА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА (ЯБЛОЧНЫЙ СПАС)

Об этом событии повествуется в трех синоптических Евангелиях: от Матфея (17:1-6), Марка (9:1-8), Луки (9:28-36). Незадолго до Своего страдания (Предание гласит, что Преображение произошло за сорок дней до Голгофы, поэтому промежуток между Преображением и Крестовоздвижением составляет сорок дней) Христос взял троих апостолов – Петра, Иакова и Иоанна – на гору Фавор в Галилее, где, молясь, преобразился: одежда и лицо Его просияли белым светом. Возле Христа стояли пророки Моисей и Илия и беседовали с ним.

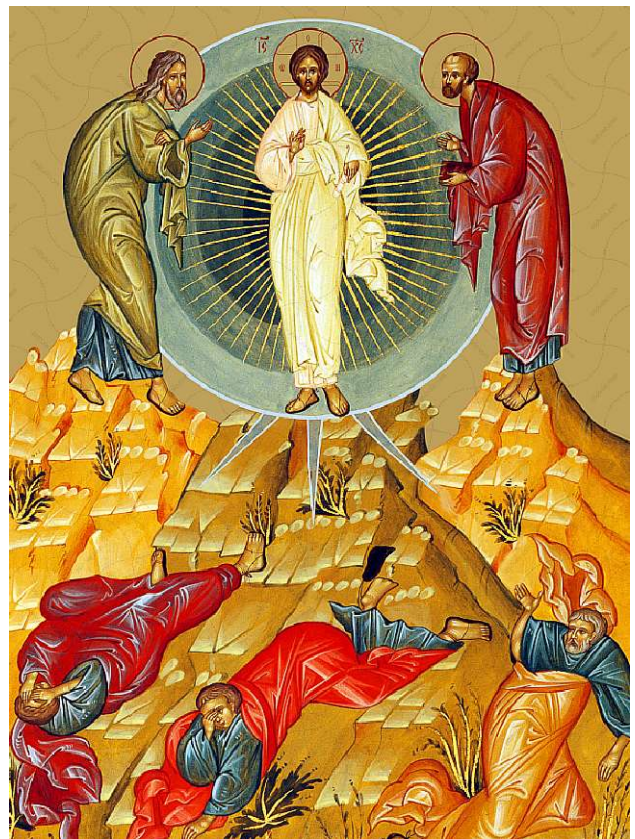
В неизреченной радости апостол Петр простосердечно обратился ко Господу: «Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи, одну тебе, одну

Моисею и одну Илию». В этот момент апостолов осеняет светлое облако, из которого раздаётся глас Божий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте».

Сходя с горы, Христос заповедовал ученикам не рассказывать о дивном явлении до Его Воскресения.

Праздник Преображения Господня отмечается с IV века – времени, когда святая царица Елена построила храм Преображения Господня на месте события.

Богословское содержание Преображения Господня трудно переоценить. Выдающийся

византийский богослов и один из величайших православных святых XIV века святитель Григорий Палама сформулировал учение о Фаворском Свете — одном из проявлений благодати, через которую человек соединяется с Богом. На этом учении зиждется исихазм — восточно-христианская практика так называемой умной молитвы.

Полемика святителя Григория с другим богословом того времени, Варлаамом, выявила серьезные противоречия между православным и западным богословием. Оппонент святителя Григория Варлаам в дальнейшем принял римо-католичество и стал епископом Иеракским, его учение было принято Римо-Католической церковью.

Райские плоды... Невольно хочется вспомнить о них, когда видишь на Преображении яблоки, груши, виноград, внесенными в храм Божий для освящения.

Это делается не только потому, что к этому времени созревают фрукты, но и, прежде всего, потому что тут есть связь с обновлением твари. Они напоминают погубленное райское блаженство, а с другой стороны — утешают нас обещанием, что в будущем мире будут и некие обновленные, прекрасные наслаждения.

В житиях святых о сем говорится нередко. Таким образом, этот благочестивый обычай весьма приличествует именно преобразению твари. Сама сладость вкусных плодов говорит о той радости, о том блаженстве, которое ожидает праведных в Царстве славы; напоминает о той духовной сладости, которую пережил апостол Петр с другими учениками на Фаворе: Господи! как нам хорошо! (Мк. 9,5). То же пережил Н. А. Мотовилов в беседе с преподобным Серафимом во время его преобразования. Конечно, Царство Божие не пища и питье, говорит апостол Павел, а правда и мир, и радость в Духе Святом (Рим. 14,17); но человек, по своему стремлению к образному, видимому пониманию невидимых вещей, да и по неизбежности, ибо для «новых» вещей нужны и новые слова (ср.: 2Кор. 12 4), — хочет выразить духовные истины внешними, понятными обрядами.

Так и здесь: будущее блаженство славы Царства Божия верующий христианин изображает под образом сладких плодов.

И вообще, очень часто в Святом Писании будущие духовные блага переводятся на язык вкуса; например, еще в древнем Завете царь Давид говорит:

Вкусите и видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9). Поэтому псалом этот читается теперь после освящения пяти хлебов, пшеницы, вина и елея, и после причащения, в конце литургии. И Господь говорит, что Он будет вкушать — «пить» «новое вино» — «в Царстве Отца» (Мф. 26,29) с учениками в Царствии Божием (Мк. 14,252; Лк. 13,29), в Царстве Христовом (Еф. 5,5; Лк. 22, 0).

И самое духовнейшее, высочайшее, непостижимейшее — Таинство Тела и Крови Он дал нам под видом хлеба и вина, сказав: «ядите» и «пийте».

И у святых отцов постоянно встречаются подобные образы. Святой Макарий Египетский говорил, что иногда человек, сподобившийся причастия Святого Духа, чувствует себя как бы «пьяный» и т. п. Но, конечно, все это нужно понимать в особом, духовном, смысле.

Ведь и Мотовилов говорил о сладости, теплоте, благоухании, конечно — не телесных, а подобных этим ощущениях. Какая уж теплота, когда на него и преподобного Серафима снег на вершок нападал, пока продолжалось все это состояние и пока святой Серафим объяснил ему все переживаемое?! Поэтому у святых отцов очень часто такие сравнения предваряются словами: «как бы». Да и о Христе, во время преобразования Его, говорится: «как бы солнце»; об одеждах: «как бы снег».

Преобразование празднуется после уборки хлебов (на севере, а на юге — ранее) после созревания плодов, то есть в конце трудов. И притом, когда все достигает совершенства, зрелости. Особенно на юге. Это — символ совершенства, полноты будущего Царства славы, но после трудов крестной нашей жизни.

И, конечно, это — летний праздник... Царство Божие немислимо представить в виде зимы, холода... Царство Божие празднуется под образом теплоты: и в Святое Причастие вливается теплая вода со словами: благословенна теплота Святого Духа, ибо Дух Святой животворит, как бы согревает теплотой; причащающимся дается «теплота», соединение теплой воды с вином.

Рождество же празднуется, — ибо человечество духовно тогда умерло, как

деревья, — зимою. И в Вифлееме засияло «Солнце Правды»; это время — перелом зимы.

Пасха — весною: начало пробуждения, восстания, оживления, воскресения и природы. И вся Пятидесятница — но Духов день — в теплое время празднуется.

Воздвижение — осенью: тьма, грязь непролазная; борьба, аскетизм, крест, очищение от страстей. Но что посеешь осенью, то пожнешь!

Богоявление — тоже зимою: чистота воды, белый снег, омовение от страстей, обновление — покаяние, исповедь, бесстрашие, крещение.

Перенесение Нерукотворного образа Иисуса Христа из Эдессы в Константинополь (Ореховый Спас)

Жил в городе Эдессе князь Авгарь, который страдал от тяжелой болезни — проказы. Услышав о проповеди Спасителя, о Его чудесах исцеления, он уве-

ровал в Него и захотел во что бы то ни стало встретиться с Ним. Но тяжелая болезнь не позволяла ему отправиться в Иудею.

Согласно Преданию, он решил написать Иисусу письмо, в котором выразил Ему свою нижайшую просьбу прийти к нему в Эдессу и исцелить его. Понимая, что в силу различных обстоятельств эта просьба может быть не выполнена, Авгарь отправил с письмом лучшего живописца города Ананию, для того чтобы в случае отказа тот смог изобразить лицо Господа. Таким образом князь намеревался получить утешение в болезни.

Письмо содержало такое обращение: «Князь Эдесский Авгарь Иисусу, благому Спасителю в странах иерусалимских явившемуся, во плоти радоваться. До меня достиг слух о Тебе и Твоих преславных чудотворениях, как без врачевства и лекарств Ты исцеляешь болезни, — слепым даешь прозрение, хромым хождение, отгоняешь от людей нечистых духов, очищаешь прокаженных, расслабленных, в течение многих лет лежащих на одре, врачуешь словом и воскрешаешь мертвых: слыша о Тебе, что Ты совершаешь столь дивные чудеса, я относительно Тебя пришел к такого рода двум заключениям: Ты или Бог, сошедший с неба, или Сын Божий. Посему я и обращаюсь к Тебе с таким смиренным молением, да потрудишься придти ко мне и исцелить неизлечимую болезнь мою, от которой я страдаю уже много лет; дошло до меня также, что иудеи ненавидят Тебя и хотят причинить Тебе зло. Я же имею город, хотя и небольшой, но красивый и изобилующий всем; итак, приходи ко мне и живи со мною в моем городе, в котором для нас обоих найдется всё потребное».

Достигнув Иерусалима, Ананий нашел Спасителя, окруженного большим количеством людей. Он никак не мог к нему подступить. Тогда взобрался на камень, чтоб было видно лицо Господа, и принялся рисовать Его. Но ничего у живописца не вышло. Ежеминутно лицо Иисуса преображалось, неземная слава отражалась на Его лице, неуловимо меняя выражение.

Внезапно Анания подзвали к Господу. Спаситель назвал его по имени и попросил показать письмо, адресованное Ему. По слову Предания, Господь ответил адресу:

«Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня и уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не имут веры, не видящие же Меня, уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и, по совершении, возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесен к Нему, тогда пошлю к тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находя-

раз кирпичами и глиняной доской. Вскоре жители совсем забыли о святыне.

В 545 году персидский царь Хозрой I осадил Эдессу. Ситуация была крайне сложной и безнадежной. И вот епископу Евлавию является Пресвятая Дева со словами, что должно извлечь спрятанный Нерукотворный Образ из ниши и Он поможет выстоять городу под осадой неприятеля.

Епископ, обретя Нерукотворный Образ из-под камней, был поражен: перед Образом горела лампада, наполненная доверху маслом, а на глиняной доске, закрывавшей нишу, появилось изображение Господа, полностью повторяющее Образ. Тут же жители прошли крестным ходом с Нерукотворным Образом вдоль стен города, и персидское войско отступило.

Завладевшие в 630 г. Эдессой арабы не препятствовали поклонению Нерукотворному Образу.

А в 944 году император Константин Багрянородный с большим благоговением и великими почестями перенес Образ и письмо Спасителя в Константинополь, столицу православной Византии.

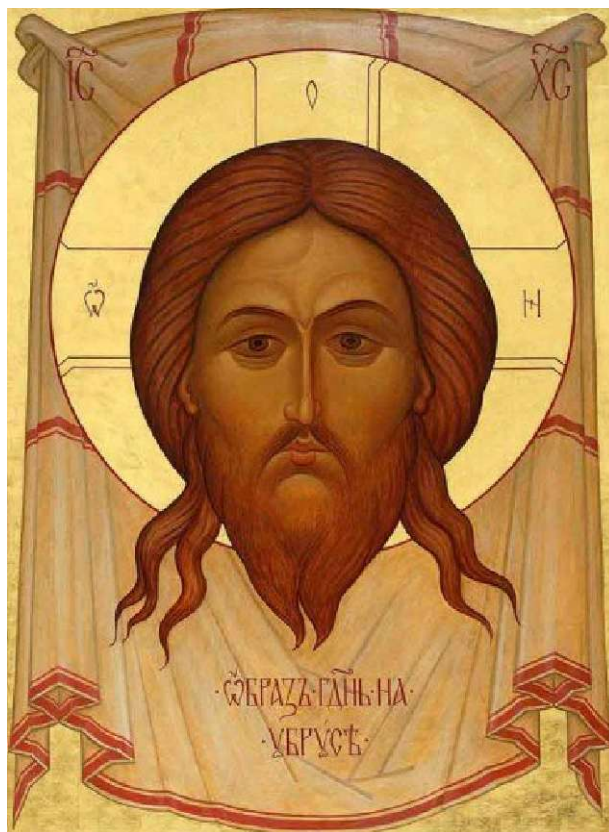
29 августа (по н. ст.) Образ Спасителя был поставлен в Фаросской церкви Пресвятой Богородицы.

Чем же Нерукотворный Образ отличается от других икон? Наверное, это самый уникальный образ из всех созданных за все время существования Церкви.

Это не портрет, написанный по памяти или с чужих слов, не символическое отображение каких-то отвлеченных философских категорий, не аллегория богословских понятий. Это прямой отпечаток земного лика Господа Иисуса Христа. Своего рода фотографический снимок, который отображает единовременный облик Спасителя, но при этом прозревает вечность.

Можно сказать, что Нерукотворный Образ стал первоисточником для очень многих икон. И хотя оригинал Нерукотворного Образа не сохранился, а его многочисленные повторения несут на себе отпечаток эпох и видений Господа, тем не менее этот образ — важное свидетельство истинности земного бытия Спасителя, Его физического присутствия в нашем несовершенном мире и постоянной заботы о Своей Церкви.

А Ореховым Спасом этот праздник назван в силу своей сезонности. К осе-

щимся с тобою жизнь вечную (через крещение)».

Чтобы исполнить просьбу князя, Господь попросил принести воду и убрus (холст, полотенце). Он умыл лицо, вытерся убрusом, на котором отпечатлелся Его Божественный Лик. Как великую святыню принес Анания убрus в Эдессу.

Получив исцеление и облегчение от привезенного Образа, дождавшись прихода ученика Спасителя и приняв Таинство Крещения, а также крестив жителей города, князь разместил Нерукотворный Образ в нише над городскими воротами для всеобщего поклонения.

Но через некоторое время один из потомков князя, правящий в городе, стал идолопоклонником и решил снять Образ с ворот. Господь явился одному из эдесских епископов и повелел ему спрятать Образ. Епископ заложил Об-

ни созревают орехи, и народ по давней традиции несет первые и лучшие плоды нового урожая Богу в храм как некую жертву.

Все другие обычаи и повейя – лишь языческие обряды и домыслы, которые нужно исключать из своей жизни православным верующим.

«Увидела я, что Господь для нас – все, что есть благое и утешительное для помощи нам. Он – риза наша, что покрывает и укутывает нас по любви Своей, обнимает нас, делается нам убежищем, со всех сторон окружает нас по Своей любви, которая настолько нежная, что никогда не оставит Он нас. Итак, во всем этом увидела я, что Он есть все, что благо, как я разумею.

И в этом Он явил мне нечто малое, не больше лесного ореха, лежащего в ладони моей руки. В этой малости я увидела три вещи: первую, что Бог создал мир, второе, что Бог любит его, третье, что Бог сохраняет его», – говорила Иулиания Нориджская из Норфолка (*прим. ред.*: 1342–после 1416; почитаемая многими ее современниками отшельница и мистик, знаменитая духовная писательница, покровительница прихода в Норидже; официально не была канонизирована, неофициальный день её памяти – 13 мая).

Для нее орех был символом целого мира, не колдовского, но любимого Богом. Поистине, не только яблоко, но и простой орех можно взять в руку, словно мир.

Взят в руки целый мир, как яблоко простое.

Богослужения торжественный зенит, Свет в круглой храмине под куполом в июле,

Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули.

О. Мандельштам

Освящение меда и плодов – это бесмысленные обряды и пережитки прошлого.

Неверное утверждение. Обрядами простые люди отмечали из череды будних дней значимый церковный праздник.

Выделяя этот день определенными традициями, они принесли свой незамысловатый дар Богу. Как знать, может, мы и никогда не узнали бы о подвиге братьев Маккавеев, если бы не обычай нести для благословения в храм головки мака в день их памяти. Православие – религия не только для мудрецов. Пока мудрецы прошлого столетия с рвением исповедовали атеизм, малограмотные сельские труженицы бережно хранили традиции, эти маленькие лучики веры.

В наши дни нет препятствий для изучения духовного наследия, но в церковной жизни найдется место и корзинке с яблоками, и баночке с медом. Пусть они останутся приятным дополнением к духовной радости от понимания истинного смысла праздников!

ВНУТРЕННЕЕ РАДОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИНХА

Я хочу рассказать всем о прекрасном и незаслуженно забытом русском прозаике –

Николае Алексеевиче Минхе (1900–1985 гг.). Он родился в Санкт-Петербурге, но детство и юность его прошли в Саратове. И когда мы читаем его рассказы, перед нами предстает дореволюционный, исторический Саратов – яр-

кий самобытный город, богатый своей историей, традициями и удивительными людьми, умевшими работать, творить и радоваться. Герои Минха на самом деле, без высоких слов любят свой город, свою великую реку и всю окружающую природу: леса, луга и холмы правого берега Волги, бескрайние степи левого... Мир Минха – это мир птицеловов, рыбаков, охотников, голубятников, перепелятников, заядлых собачников и лошадиников; мир тружеников, мастеров и художников своего дела. Читая рассказы этого писателя, мы ви-

дим происходящее когда-то глазами ребенка, когда-то – взрослого, а когда-то – старика, но сохранившего детское, свежее восприятие мира, бесконечное удивление его красоте и богатству, сердечную нежность ко всему живому.

Монолог старого птицелова из рассказа «Полевые овсянки»:

«На мое разумение, полевая овсяночка самую большую силу на человеческое сердце имеет. Я понимаю, какойнибудь соловей, за которого любитель деньги кидком кидает, свою цену имеет. Гремит он, как Еруслан. Ровно раз-

бойник в лесу свищет. Иль взять, к примеру, черношляпку. Та свои коленца с такой ясностью выводит – солнечный денек ей позавидует. А сама какая акkuratненькая! А? Светленькая, как дымок, а на головке черная шляпка. Ну прямо, скажи, барышня в праздник на улицу погулять вышла. Иной от перепелов с ума сходит. Вон Золин, Николай Ликсеич. Даром без ног – паралич его разбил, – а милей густого перепела у него и на свете ничего нет.

Жворонков есть какие любят. Всяким свисткам их обучают. Это тоже охота. Да мало ли каких еще птиц на свете водится! Но полевая овсяночка, скажу вам, совсем особь статья! Эта просто всем взяла. Стройненькая, тельце чуть длинненькое, хвостик – перышко к перышку пригнуто, сверху потемней, снизу посветлей, сама коричневенькая с нежными разводами к краешкам перышков. А глазки какие? Умненькие, с бланжевым пушком. Окаемочку имеют – вроде ресничек. Посмотришь на нее – и какое-то радование внутри тебя начинается. Такая она трогательная. А напоет – ну ровно серебро рассыпет. Голосок ясный, нежный. . . »

Но прежде, чем вернуться к Минху как писателю, я хотела бы кратко познакомить вас с его предками и родственниками, с историей его старинного рода. Почему это в данном случае важно? Во-первых, потому что это пример рыцарского служения инородных подданных России; подтверждение того, что русским человека делает не кровь, а дух. Во-вторых, личность как таковая не падает ведь на землю с неба и не вырастает сама собой в вакууме. Личность – это всегда колос, прозябший и вызревший на определенной почве.

Род Минхов – фон Мюнхов – это род храбрых воинов, умных рачительных помещиков, пытливых исследователей и самоотверженных врачей. Любовь к малой Родине, к родному краю, ответственность за него, готовность ради него трудиться – это тоже минховское фамильное, это жило в их смешанной русско-немецкой крови, это шло, наверное, от того лучшего, что есть и в том, и в другом народе.

Иоганн Гейнрих фон Мюнх – врач, весьма известный в Ганновере и, видимо, не только в нем – оказался среди немцев, приглашенных на службу в Россию в царствование Екатерины Великой. В 1786 году с ним был заключен договор, утвержденный лично императрицей, и он прибыл на службу в Орел. Приняв Православие, Иоганн

Гейнрих стал Андреем Ивановичем. Впоследствии все его потомки принадлежали к Российской Православной Церкви. У Андрея Ивановича Минха

было пятеро детей, и один из них, Николай Андреевич Минх, купил землю в Аткарском уезде Саратовской губернии, в селе, именуемом Колено: так Минхи пришли на Саратовскую землю. Перед тем как стать помещиком, Николай Андреевич 14 лет отслужил в гвардии и вышел в отставку в чине майора с правом пожизненного ношения мундира (это означало, что служба его была безупречной). Супруга Николая Андреевича тоже, по всей видимости, происходила из обрусевших немцев – Варвара Бланк.

Один из четырех сыновей Николая Андреевича Минха, Александр Николаевич Минх (1833–1912) – это человек, о котором нужно рассказывать отдельно. По природному складу своему он был ученым, исследователем; окончив частный пансион и гимназию в Москве, с юности свободно владел несколькими европейскими языками, в сферу его интересов входили история, археология, география России, ее этнография. Но в 1853 году 20-летний Александр с благословения отца – отставного гвардейского майора – ушел добровольцем на Крымскую войну, участвовал во многих кровопролитных сражениях, за боевые заслуги был произведен из юнкеров в офицеры. Александр Минх многократно принимал участие в переговорах с неприятелем в качестве переводчика. Выйдя в отставку, он поселился в Аткарском уезде и пользовался среди земляков огромным нравственным авторитетом. Александр Минх занимал должность мирового

посредника, мирового судьи, был гласным уездного и губернского Земского собрания, членом Саратовского уездного Присутствия по воинской повинности, действительным выборным членом Саратовского губернского статистического комитета. И все это – вдобавок к огромной научно-исследовательской краеведческой и археологической деятельности. Список научных работ Александра Николаевича Минха занимает не одну страницу. Он был членом Императорского Московского археологического общества, Императорского Русского географического общества, корреспондентом Министерства земледелия, одним из основателей и затем почетным председателем Саратовской ученой архивной комиссии. Минхом был подготовлен и издан «Историко-географический словарь Саратовской губернии. Том I. Южные уезды: Камышинский и Царицынский», причем этот первый том состоял из пяти книг. Лишь тяжелая болезнь и постигшая Александра Николаевича слепота помешали завершить дело, но материалами Минха саратовские ученые пользуются по сей день.

Отдельно нужно рассказывать также и о родном брате Александра Минха – Григории Николаевиче (1835–1896). Это был замечательный врач, патологоанатом и эпидемиолог, сражавшийся с самыми страшными болезнями тех времен – чумой, тифом, сибирской язвой, проказой, оспой. Он всегда работал на месте – там, где вспыхивала эпидемия: не раз устраивал себе такую опасную командировку за собственный счет, не дожидаясь вспоможения от властей. В 1874 году прививками на самом себе доказал заразительность крови больных возвратным тифом. Кроме того, целый ряд работ Григория Минха посвящен онкологическим заболеваниям. Он был пожалован орденами святого Станислава второй степени (1870) и святой Анны второй степени (1879) «за особые труды по принятию предохранительных мер во время бывшей в Приволжских губерниях эпидемии».

У героя Кавказской войны подпоручика Петра Николаевича Минха (родной брат Александра и Григория) было два сына: Петр и Алексей. Родившийся в 1866 году Алексей – отец писателя Николая Минха, к которому мы понемногу подбираемся. Но прежде надо сказать, что Алексей Петрович Минх тоже был выдающимся врачом и организатором медицины. Медицинский Саратов помнит его по сей день. О неиссякаемой энергии и гражданской актив-

ности Алексея Петровича Минха свидетельствует список его общественных (выборных) должностей до революции: член Саратовского лесоохранительного комитета; член Судебного присутствия Аткарского уездного съезда; член Попечительного совета Аткарской женской гимназии; кандидат в члены Аткарской уездной комиссии по делам об устройстве канав и других водопроводных сооружений; попечитель Коленской земской больницы (напомню, Колено – родовое имение Минхов).

Что же касается непосредственно медицинской деятельности, Алексей Петрович и до, и после революции возглавлял Первую городскую больницу, которая была учебной базой медицинского факультета Саратовского университета; в качестве врача-специалиста участвовал в деятельности Саратовской Андреевской общины сестер милосердия общества «Красного Креста» и состоящих при ней детской и взрослой клиник; руководил Саратовскими фельдшерскими курсами. Основные научные труды Алексея Петровича были посвящены неотложной хирургии: аппендициту, прободной язве желудка, кишечной непроходимости, ранениям легких и сердца. По подсчетам коллег, он провел больше десяти тысяч операций; был основателем Саратовского хирургического общества, автором двадцати крупных научных работ, из которых 12 были опубликованы в советский период. В 1933 году доктору Минху было присвоено звание Героя Труда «за выдающуюся и исключительно полезную деятельность в социалистическом строительстве, нашедшую выражение в административной работе по заведению больницы, в тысячах блестяще проведенных операций и в научной медицинской работе».

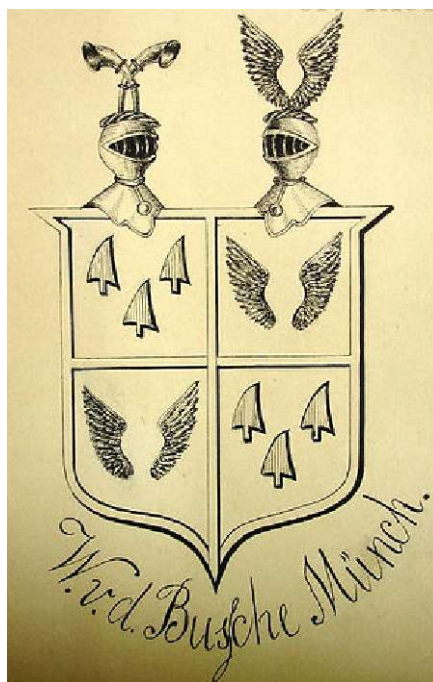
Скончался он в 1939 году, похоронен на Воскресенском кладбище Саратова. Один из шести детей Алексея Петровича и Веры Александровны, урожденной Эстеррейхер, двоюродной сестры композитора Сергея Рахманинова, Алексей Алексеевич Минх также стал врачом, но гигиенистом; академик АМН СССР, Заслуженный деятель науки СССР. Родной брат писателя Николая Алексеевича Минха – наконец-то мы к нему добрались.

Язык Николая Минха безыскусен – в том смысле, что он не ищет красивого стиля, он пишет рассказ, как писал бы письмо близкому другу. И вместе с тем язык Минха точен, таинственен. Он не просто передает красоту природы –

читая Минха, мы вдыхаем воздух со всеми его запахами, шуримся от солнца, совершенно непосредственно ощущаем зной, сырость, мороз.

Из рассказа «Братья февраль»:

«Эх, и горячо же припекает в иные ранние февральские дни студеное сол-

нышко у нас в саратовском Заволжье! Не утерпишь, бывало, чтобы не сбросить в сани тяжелый овчинный тулуп, не распахать пошире жаркий полущубок да не сдвинуть подальше со лба меховую шапку. А кругом зима. Все бело и мертво. Снег, укрывший землю, нестерпимо сверкает в лучах солнца и до боли режет глаза. А тишина-то, какая стоит зимою в степи! В ушах даже звенит. Кажется, закричи кто с того края земли – и услышишь!.. На далеком горизонте порой завидишь пятно мышкующей лисицы. То и дело останавливаясь, она с опаской поглядывает, как в далеких бурьянах маячит на малорослой лошаденке с парой тощих, похожих на скелеты, борзых киргиз. У одинокого кургана, около обглоданного добела остова павшего еще прошлым летом верблюда, увидишь небольшую компанию волков, справляющих свою голодную свадьбу. Шумно рассекая ударами сильных крыльев застывший воздух, пролетит ворон, да на высокой насыпи железнодорожного полотна, обтекающего Асанкудукский лиман, верстах в десяти от Белого Умета, издалека, увидишь узкую черную полоску ранней проталины. Яблоневый дичок вырос на ней, от брошенного проезжим недоеденного яблока, и неуклюже протянул свои корявые, колючие ветви, да низкорослый бурьян, поломанный и перепу-

танный ветрами и непогодами, покрыл пятнами бедную щебенчатую почву насыпи...»

Герои Минха могут показаться чудачками или даже сумасшедшими, но на самом деле они просто слышат, видят, знают то, чего мы с вами не слышим и не знаем. Из рассказа «Соловей»: «Долго стоял я, вдыхая аромат дивного дерева, и едва успел сделать от него шаг, как из-под соседнего куста с подсевом бересклета выпорхнула коричневая птичка, в которой я тотчас узнал соловья. Я не обратил бы на него внимания, если бы вдруг с вершины березки с нежными, окутанными, как дымкой, опадающей пылью, сережками и слабенькой, едва раскрывшейся зеленью листочков, не раздался бы томный, щемлящий душу почин. За ним второй, третий – и вдруг эта громоподобная двойная лещева дудка с раскатом, от которой, казалось, дрогнул весь лес. У меня сразу перехватило дыхание – так это было неожиданно. Я замер. А соловей, точно дразня меня, распевался все больше и больше, удивив нежностью почина, чистотой гусачка и юлиной стукотней, исполняемыми, правда, не полным голосом, но с нужными выдержками и умением».

А вы знаете, что происходит в этом рассказе дальше? Успешно изловив редкостного соловья, за которого можно было получить сто рублей, – это не сегодняшние, это царские сто рублей, как вы понимаете, – птицеловы отпускают его на волю... Почему? Соловей в клетке сразу начинает петь, и опыт старого птицелова (рассказ ведется от лица молodoго) подсказывает, что песня это предсмертная: что пойманная птица эта из тех, кто в неволе жить неспособен, и, если не выпустить, – умрет.

И точно так же отказывается старый охотник Григорич стрелять в зайца, которого долго тропили (то есть выслеживали) и выгнали под выстрел: заяц оказывается, инвалид, у него нет одного глаза, при этом он на редкость хитер и умен (рассказ «По первой пороше»). А герой рассказа «Вальдшнеп» навсегда отказывается от своей страсти – охоты – после того, как один из добытых вальдшнепов в его охотничьей сумке оказывается недостреленным, живым и умирает мучительной смертью на глазах охотника и его потрясенной жены. Да, герои Минха живут не в Эдеме, они вполне реальные люди, но добыча не застит им глаза, жадность – набить побольше – в их среде не при-

ветствуется, они умеют вовремя остановиться и пощадить живое существо.

Любимые герои Минха непритворно просты, в них воистину нет лукавства, они искренни, и то, что мы можем назвать благородством и жертвенностью, для них – совершенно естественное поведение. Они совестливы и всегда держат слово – даже если это дается им очень тяжело. Они легко отдают, потому что ничего за собой не числят, всегда зная: то, что у них есть – не их. Среди них наблюдается своего рода эстафета добра: герой рассказа «Победитель бурь» (это название пароходика) Петр Петрович, пожилой вдовец, спасает молодую женщину, попавшую в «нехороший дом»: почти силой, схватив за руку, уводит ее из этого дома к себе и с трудом уговаривает обвенчаться («Мы с тобой христиане, кресты носим!»). Придя в себя и вновь обретя человеческое достоинство, Фрося становится истинным ангелом не только для мужа, но и для всех бедных, убогих, всех, кто нуждается в помощи. Ей ничего не стоит, например, организовать генеральную уборку в страшно запущенном, переполненном клопами доме одинокого старика-армянина, которого злая судьба забросила на Волгу. Кстати, образ этого старика Каллуста Богданыча одновременно и трагичен, и комичен, и трогателен... и забываем. Как всё у Минха.

В одном из его рассказов мы слышим воспоминания старого отставного матроса: он был денщиком молодого офицера, который подхватил в дальнем плавании какую-то тропическую заразу и умер от нее на корабле, а денщику пришлось «послужить священником», принять предсмертную исповедь своего командира, чтобы потом, вернувшись на родину, донести эту исповедь до настоящего священника и получить для покойного отпущение грехов. Честно скажу, этот рассказ покорила меня ошибкой: чтобы русский военный корабль отправился в дальнее плавание без священника на борту – такого быть не могло в принципе. Но в этом рассказе примечательно другое: глубокое чувство матроса, его благоговение перед священным грузом – чужой исповедью, которую он приносит в храм и кладет у ног Христа.

Здесь нельзя не упомянуть об одном ценнейшем свидетельстве – воспоминаниях Минха о поэте Николае Клюеве, с которым он познакомился в Саратове и которому потом дал приют в Москве. При всей сложности и неоднозначнос-

ти духовных поисков Клюева, в мемуарах Минха он предстает перед нами как человек, живущий вне времени, как посланец далеких веков, носитель и представитель богатейшей культуры исконного русского севера, знаток доиконовской иконописи и устного народного творчества. Минх доводит до нас горькие размышления Клюева о судьбе Сергея Есенина, о причинах его трагедии; рассказывает, как, благодаря Клюеву, познакомился с художником Михаилом Нестеровым, писателем

Михаилом Пришвиным, искусствоведом и реставратором Александром Анисимовым, расстрелянным в 1937 году в урочище Сандармох. И что еще очень важно – эти воспоминания окончательно убеждают нас в том, что Николай Алексеевич Минх не только по документам числился православным, как многие иные. Нет, он был по-настоящему верующим православным человеком:

«Единственные случаи, когда Клюев брал деньги (из общей «кассы» друзей – М.Б.) и не говорил, были в те дни, когда мы вместе ходили в церковь. А ходили мы с ним в храм Василия Кесарийского, что был на Тверской, воздвигнутый московскими ямщиками в честь величайшего учителя и деятеля христианства и Православия, жившего и подвизавшегося в IV веке епископа Кесарии Каппадокийской Василия Великого...»

Конечно, проза Николая Алексеевича найдёт благодарного читателя в любом городе, не только в Саратове. На страницах Минха – та русская природа, которая не разорена, не вытоптана,

не отравлена неумеренной и экологически неграмотной деятельностью человека; которая неотрывна от русской культуры и русской души; которая истари питает душу русского человека.

Из рассказа «Белый перепел»:

«Озимые хлеба вымахали тогда выше человеческого роста, яровые пшеницы уже вошли в трубку и серебрились белесой остью, а овсы выбросили свои кудрявые метелки. Гречиха цвела, и над белыми полосами ее от зари до темна стоял несмолкаемый звон и гуд от бесчисленного количества насекомых и пчел, берущих здесь свой взяток. Начал голубеть лен, а густые, в полном цвету, травы в полях – сеяные, а по опушкам лесов, перелесков и в заливных лугах – естественные, казалось, ждут, не дождутся острой косы да звонких голосов крестьян, сбивающих стога и навивающих возы благоухающего сена. Леса и рощи стонали от изнывающего кукования кукушек, иволги оглашали дубравы своими флейтовыми свистами, всякие пеночки и славки немолчно звенели и свистали в гуще листвы, а по ночам громкоголосые соловьи наполняли еще рощи своими торжественными раскатами. Над полями из синевы неба неслись трели жаворонков, а по вечерам и ранними утрами перепела, как помешанные, с неостывшей еще страстью, отдирали свои зори, в надежде отыскать нуждающуюся в их пылких признаниях даму, не севшую по какой-либо причине до сих пор на гнездо...»

Услышать перепела в наших нынешних полях если и можно еще, то это событие редкое. И совсем уж исключительное событие – увидеть в Саратовской области хищную птицу скопу, которую называют еще речным орлом. Меж тем у Минха: «Над водой, выглядывая добычу, кружились речные скопы, оглашая воздух своими верещачими криками».

Вот что мы сделали с природой за XX век...

Читать Минха радостно и горько. Потому что, с одной стороны, он весь – то самое «внутреннее радование», о котором говорится в рассказе «Полевые овсянки» (см. первую цитату), а с другой – не только той природы, но и той России, которая в его рассказах, больше нет. И того народа нет, хотя и сегодня есть, конечно, светлые, любящие, творческие люди, заряженные энергией добра. Но они так и воспринимаются – как отдельные люди, даже как не вполне обычные личности. А в книгах

Николая Минха мы видим другой народ. Вот пример – рассказ «Волжские праздники». Оказывается, в Саратове каждое лето на Троицу устраивались народные состязания волжских гребцов. Это было очень трудное испытание – грести нужно было 25 верст, причем сначала по течению, а потом против. И вот на эти соревнования собираются сотни гребцов. Это простые волжские люди, землепашцы и пристанские грузчики, рыбаки и псаломщики, студенты и лавочники. Это люди разных культур: русские, украинцы, колонисты-немцы, татары. Все они прекрасно знают, что только один экипаж гребной лодки получит денежный приз, но они участвуют в гонках с радостью и молодецким азартом. Причем лодки свои они тоже делают себе сами, а от того, как сделана лодка, зависит многое.

И весь город собирается на берегу – не столько даже «болеть», сколько любоваться, радоваться, по-доброму гордиться силой и выносливостью земляков-волжан. Играет военный оркестр, вокруг неопишная красота великой реки... Так было тогда, при царе, а что мы видим сегодня? Попробуйте, поднимите, соберите когонибудь на какое-либо состязание (разумеется, я не имею в виду профессиональных спортсменов). Попробуйте зажечь кого-либо азартом. Бедные наши культработники – им все время приходится придумывать что-то искусственно, потому что естественным образом ничего уже не получается – традиции утрачены. Люди разобщены, они ничего не умеют и не хотят делать сами. Они могут, в лучшем случае, лишь на что-то глазеть – и то лучше на экране, на мониторе. Это пе-

чально, но тем ценнее для нас наше духовное наследие. И здесь не должно быть забытых, похороненных имен.

Закончив школу в Саратове, Николай Минх поступил на агрономический факультет Саратовского университета. Среди его преподавателей был легендарный Николай Вавилов, мученически закончивший свой земной путь в Саратовской тюрьме. Минх был знаком с семьей Николая Ивановича. Впоследствии студент Николай Минх перевелся в Воронеж и в 1923 году окончил агро-

номический факультет Воронежского сельскохозяйственного института. До 1926 года он работал в Саратове и Саратовском уезде, затем переехал в Москву и стал научным сотрудником бюро механизации сельскохозяйственной секции Госплана; затем работал во Всесоюзном институте механизации (ВИМ), а в 1950-х годах заведовал сектором сельскохозяйственного машиностроения Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ). Он кандидат сельскохозяйствен-

ных наук, автор многих научных работ. Судя по всему, в своем деле, в избранной профессии он был так же основателем и энергичен, как все Минхи.

К писательству Николай Алексеевич, по всей видимости, стремился с молодости (об этом свидетельствуют уже упомянутые здесь воспоминания о дружбе с Ключевым). А вот публиковаться начал поздно – на шестом десятке лет: первая публикация состоялась в журнале «Охотничьи просторы» в 1958 году. Вопреки тому обстоятельству, что царская Россия в произведениях Минха вовсе не выглядит «нищей, темной и забитой», а ее народ не кажется замученным эксплуататорами, в 1970-х годах выходят, одна за другой, несколько книг Минха («На Кудеяровом пруду», «Течет река Волга», «Братья Феврали», «Воскресенье у деда»). А вот дальше – большой перерыв. В 2018 году почти забытого писателя вспомнили его собратья-охотники, что неудивительно: ведь в их среде он до последних дней своих был не просто своим человеком, но бесценным кладом опыта, знаний, воспоминаний, традиций (об этом свидетельствует Борис Марков в книге «Москва охотничья»). Книга рассказов Минха «Братья февраля» вышла в издательстве охотничьей литературы «Эра». Спасибо охотникам, однако нужно помнить: значение прозаика Николая Минха не ограничивается сферой охоты или иного взаимодействия человека с природой – тем более что охоте и птицеводству посвящены далеко не все его произведения. Минх – не «охотничий» писатель, он просто прекрасный русский прозаик, и мы в долгу перед его памятью.

Марина Бирюкова

ВСЯ КРАСОТА ПРИРОДЫ ИСХОДИТ ОТ ТАИНСТВЕННОСТИ ТАИНСТВЕННОГО...

Вся красота природы исходит из таинственности Таинственного. Без этой таинственности Таинственного природа ни на миг не могла бы сохранить ту тихую целомудренную красоту, которая светится сквозь нее.

Сотворенная природа – облако, укрывающее ослепительное сияние Божественного огня. Прозрачность или непроницаемость этого облака зависят от нашего духовного зрения: для утончен-

ного и высокого духа оно тонко и прозрачно, для грубого – темно и непроницаемо.

Природа – отражение человека.

Теория о себялюбии не может быть оправдана природой. Люди слишком легко обвиняют других в собственном зле.

Природа нейтральна к людям. В согласии с человеческим характером она настраивает свой характер. Пока Адам был послушен Богу, и природа была послушна Адаму. Когда он восстал против Бога, природа взбунтовалась против Адама.

Как какое-либо желание, мысль или страсть действуют на все тело человека, так и его характер, настроение, вера

и нравственность воздействует на природу. Человеческая злоба может наполнить природу злобой, а милость – милостью.

На Балканах по сей день народ сохранил веру в то, что дождь, засуха, град, урожайные и голодные времена, здоровье и болезни зависят от нравственной чистоты народа.

К святым людям природа всегда милостива, к нечистым и злонамеренным беспощадна.

Природа – отражение человека. Каков человек, таким она его показывает. Природе не свойствен эгоизм. Но люди эгоистичны, и потому они видят свое обезображенное отражение в зеркале природы и приписывают собственное уродство зеркалу.

Но разве зеркало виновно в уродстве лица, которое оно лишь правдиво отражает?

Для святого природа представляет прошлое. Он изучил её азбуку, прочёл её слова, выслушал её звуки, понял все, что она поведала ему, и закрыл книгу. Только в святом природа смогла достичь своей цели: она пробудила в нем человека, указала ему на Бога и - укрылась от его глаз.

Святой бесконечно благодарен природе и бесконечно милосерден к ней, потому и она считает его своим единственным на земле настоящим другом.

Воистину нет более трогательной картины, чем дружба святого и диких зверей. И это несмотря на то, что он смотрит на нее, как взрослый на детские забавы: вот еще один взгляд, еще одна сочувственная улыбка, еще одно нежное воспоминание, - и путнику снова пора в дорогу, вперед и вверх, чрез все невзгоды. Он должен забыть обо всем. Оставить всё, чтобы познать и обрести всё.

Для гурмана природа - будущее, для художника - настоящее, для святого - прошлое.

Природа - друг, она сотворена, чтобы быть человеку другом и помощником, а не рабом или палачом. Люди, делающие из природы раба, сами делают ее врагом и палачом.

На Балканах еще сохранилось уважение и милосердие к природе. Еще существует обычай: если крестьянин хочет срубить дерево, косить траву или забивать скот, он крестится и произносит: «Прости, Господи!»

Народы, объявившие природе войну не на жизнь, а на смерть, навлекли и навлекают на себя бесконечные беды. Ибо тот, кто разрушит мирные отношения с природой, неминуемо нарушает и добрые взаимоотношения с Богом.

Главное содержание истории состоит в определении отношения людей к Богу. Все остальное лишь эпизоды и фрагменты главного.

Исторические периоды представляют собой как бы приливы и отливы во вза-

имоотношениях Бога и человека. Во время прилива великие художники находили вдохновение в Боге; во время отлива - в природе. Это можно было бы назвать «искусством из первых рук» и «искусством из вторых рук», указав на первичное и вторичное. Первое - более мужественное и драматичное, второе - женственное и лиричное. Так же как, когда отец в отлучке, гостей принимает мать и занимает их рассказами о том, что узнала от отца.

Каждый отлив, то есть замена восхищения божественным на восхищение природным, влечет за собой возврат в детство. Прилив - духовное здоровье, отлив - духовный недуг. Естественно,

что зрелый человек, насытившись очарованием природы, спешит к возвышенному, надприродному, к Царству Небесному.

Вспомним случай с двенадцатилетним Иисусом: когда Мать нашла Его после долгих поисков, Он спросил Ее: «Зачем вы искали Меня? Разве вы не знаете, что надлежит Мне быть в доме Отца Моего?»

В зависимости от прилива и отлива в нравственной жизни человека и природа являет свои приливы и отливы в образах добра и зла.

В периоды высокой морали людей и природа испытывает прилив добра и отлив зла. И, наоборот, во времена безверия и безнравственности людей природа испытывает приливы в образах зла и отливы в образах добра. Тучи саранчи не появляются, когда хотят; болезни, эпидемии, засуха подчиняются этому же закону.

По мере добра в человеке и природа дарит свою меру плодов и здоровья. Этот опыт народ выразил в таких словах: какова вера, такова и мера.

Если бы исчезли наши дурные качества, грехи и страсти, исчезли бы и соответствующие им в природе образы.

Но до тех пор, пока человек человеку - волк, будут волки.

Пока человек человеку - пиявка, будут пиявки.

До тех пор, пока душа человеческая, привязанная к земному, ползет по земле, будут ползать по земле змеи.

Одним словом, до тех пор, пока человек будет умножать свое безбожие и свою безнравственность, природа будет умножать соответствующие им образы зла: будут множиться хищники, микробы, бури, ураганы, наводнения, пожары и прочее.

Следовательно, природа зависит от человека и в образах, и в содержании.

Святитель Николай Сербский

Дорогие о Господе братья и сестры!

Просим вас благоговейно относиться к изданию, помнить, что печатный текст, содержащий цитаты из Священного Писания, имена Господа, Богородицы и святых Божских, не допускает обиходного употребления: не следует использовать листки в хозяйственных целях и выбрасывать в мусор. Прочитанный журнал вы можете передать другим, а в случае ненадобности - вернуть в церковную лавку. Если страницы журнала повреждены и не подлежат хранению, то его надо либо сжечь самим, либо вернуть в Храм.

К сожалению, у нас пока нет возможности издавать большее количество экземпляров, поэтому мы убедительно просим вас, прочитав очередной номер, принести его обратно в храм, чтобы и другие прихожане также могли с ним ознакомиться.

Приходской листок издается с июля 2001 года. Выпуск подготовили: настоятель храма игумен Максим (Шмидт), тел.: 0731-1849165; Ирина Стрельцова; Елена Хэдэрле, E-mail: elena.haederle@gmx.de. Приходской листок выходит один раз в два месяца и распространяется бесплатно. Тираж 50 экземпляров. По всем вопросам и предложениям обращайтесь к составителям номера по вышеуказанным координатам. По общецерковным вопросам обращайтесь в канцелярию прихода в г. Ульме по тел: 0731-1849165. По вопросам в г. Алене обращайтесь по E-mail: akvamarin443@mail.ru.

Сайт прихода: www.ulm-russische-kirche.eu

Электронный вариант приходского листка «Воскресное чтение» и детского приложения «Ангелочек» вы найдете на сайте нашего прихода в рубрике «Духовные чтения».